

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-305-313

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОСТОИНСТВЕ В ИСТОРИИ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А.А. Сычев

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
430005 Саранск, Россия, ул. Большевикская, 68

Статья посвящена рассмотрению эволюции понятия достоинства в этико-философской мысли. На основании экскурса в этимологию слова автор выявляет базовое определение достоинства как меры соответствия поведения человека занимаемому им (как правило, высокому) положению в обществе и одобрительной реакции окружающих на такое поведение. Это определение далее корректируется в ходе анализа воззрений Аристотеля, стоиков, Цицерона, Фомы Аквинского, Дж. Манетти, Дж. Пико делла Мирандолы, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и др. Показано, что в ходе исторического развития (прежде всего под воздействием философии и религии) иерархическое понимание достоинства постепенно замещалось универсалистским. Анализируя представления о достоинстве как теоретическом основании системы прав человека и споры о достоинстве в современной биоэтике, автор делает вывод о том, что достоинство — важная личная и социальная ценность, потенциал которой для решения многих сложных этических дилемм современности, несмотря на частное употребление этого слова в публичном дискурсе, еще до конца не осознан.

Ключевые слова: достоинство, чувство собственного достоинства, внутренняя ценность, история этики, права человека, биоэтика

«Достоинство» — одно из наиболее часто употребляемых и в то же время наименее определенных понятий в современной этике. Под ним понимают как цену личности, устанавливаемую обществом, так и качество, несводимое к цене; образ Бога в человеке и признание права на самостоятельные решения; требование уважительного отношения и запрет на унижение. В спорах к человеческому достоинству апеллируют верующие и атеисты, консерваторы и либералы, сторонники и противники эвтаназии, абортов, трансгуманизма. При этом каждая заинтересованная сторона защищает свое понимание достоинства, как правило, несовместимое с представлениями оппонентов.

Базовые смыслы, явно или скрыто присутствующие в современном понятии «достоинство», проявляются при обращении к его этимологии. В русском языке это слово является производным от «достой» — «приличие, приличность, соразмерность, сообразность» («по достою» обозначало «как должно, как следует»). Поскольку поведение, сообразное положению, воспринималось как достойное поощрения, прилагательное «достойный» постепенно приобрело значение «уважаемый, ценимый» [7. С. 493].

Греческое *αξιοπρέπεια*, восходит к *ἄξιος* — «заслуживающий, соответствующий, имеющий вес» и далее к *ἄνω* в значении «принимать, взвешивать» [15. С. 1—2]. От того же корня образовано слово *αξίωμα* — достоинство, самоочевидный прин-

цип. Кроме того, для обозначения чувства собственного достоинства в древнегреческом языке (например, в этических сочинениях Аристотеля) использовалось слово *σεμνότης* — «величавость, серьезность». Латинское *dignitas* (достоинство, заслуга, статус) образовано от прилагательного *dignus* — «ценный, соответствующий», восходящего, в свою очередь, к индоевропейскому корню *dek* — «принимать». По видимому, значение развивалось таким образом — «принимать» — «быть приемлемым» — «соответствовать». От этого же корня происходит еще одно слово, обозначающее достоинство (а также честь, славу, уважение) — *decus*. В английском языке этим двум словам соответствуют существительное *dignity* — «достоинство» и прилагательное *decent* — «подходящий, приличный» [17. С. 189].

Исходя из этого краткого экскурса в этимологию, можно заключить, что понятие «достоинство» возникло для оценки меры соответствия поведения человека занимаемому им (как правило, высокому) положению. При этом предполагается, что достойный человек ведет себя на своем месте как должно, в соответствии с ожиданиями (то есть прилично или, по меньшей мере, приемлемо). Закономерной реакцией на такое поведение является уважительное отношении к нему окружающих.

Дальнейшее развитие представлений о достоинстве шло в двух основных направлениях. Взятое в *социальном* контексте, оно связывалось с высоким положением человека в иерархии и в этом смысле обычно противопоставлялось тем качествам, которые приписывались обладателям низкого статуса. Рассмотренное в *природном* контексте, оно связывалось с исключительным положением людей среди других живых существ и ассоциировалось с качествами и свойствами, составляющими природу человека (прежде всего с разумом и бессмертной душой). Если достоинство в первом понимании является достоянием немногих, то во втором — всех представителей человечества. При этом в ходе исторического развития (прежде всего под воздействием философии и религии) иерархическое понимание достоинства постепенно замещалось более универсальным.

Понятие достоинства формируется на самых ранних этапах становления цивилизации. Определенные модели поведения представителей элиты начали формироваться вместе с возникновением социальной дифференциации в обществе. Результатом этого процесса стало закрепление в сознании общества представлений о высоком достоинстве элиты и, одновременно, — о лишенном достоинства поведении представителей низших классов. От элиты ожидали положительных качеств (храбрости, щедрости и т.д.), а наградой за достойное поведение были почести, уважение. Людей из самых низких слоев, напротив, обвиняли в грубости или подлобострастии, а отношение элиты к незнатным людям было подчеркнуто неуважительным, а если те не желали «знать своего места», то и оскорбительным.

В «Илиаде» достойным героям противопоставляется незнатный Терсит: за неподобающее своему статусу поведение (оскорбление вышестоящего) его унижает и избивает Одиссей. У Гомера Терсит изначально лишен всяких достоинств: он не только презрителен, дерзок, болтлив, но и крайне уродлив. В то же время внутри самой элиты (у Гомера — военной аристократии) достойны уважения все, даже

если речь идет о троянцах. Рассчитывать же на особые почести герои могут только в том случае, если они демонстрируют особые заслуги: в сущности, сюжет всей «Илиады» выстраивается вокруг гнева Ахилла, посчитавшего, что несправедливый передел добычи ущемил его достоинство.

Одним из первых философов, обративших внимание на значение достоинства в общественной жизни и, одновременно, многозначность этого понятия, был Аристотель, указавший, что «„достоинством“ не все называют одно и то же, но сторонники демократии — свободу, сторонники олигархии — богатство, иные — благородное происхождение, а сторонники аристократии — добродетель» [2. С. 151]. Хотя представления об источнике достоинства и варьируются в зависимости от идеологических предпочтений, во всех случаях под достоинством понимается нечто, придающее человеку вес и ценность в глазах общества.

Достоинство для Аристотеля — нормативное понятие, накладывающее на тех, кто ею обладает, обязанности вести себя соответственно. Свободный человек не должен лстить тиранам, богатый — скупиться, благородный — прислуживать и т.д. Умение вести себя сообразно своему положению Аристотель считает важным моральным качеством: «Чувство собственного достоинства (*σεμνότης*) — середина между своенравием и подхалимством. Оно проявляется при взаимном общении людей. Своенравный таков, что не способен ни общаться, ни разговаривать с кем-либо. Само имя, по-видимому, указывает на его характер: своенравный — это как бы нравящийся сам себе и довольный самим собой. А подхалим — это умеющий общаться со всеми, всячески, везде. Ни тот ни другой не похвальны. Похвален тот, у кого есть чувство собственного достоинства; как средний между ними, он общается не с любым без разбора, а с достойными и не сторонится всех, но входит в общение с достойными же» [1. С. 322—323].

Достоинство, таким образом, имеет две стороны: оценочную и нормативную. Оно предполагает, что некто обладает высокой социальной ценностью и при этом ведет себя так, чтобы эту ценность не скомпрометировать. Во втором случае правильнее говорить о чувстве собственного достоинства — о самоуважении человека, осознании им своей ценности. Поскольку речь идет о нормативном представлении, чувство собственного достоинства подкреплено соответствующими положительными и отрицательными социальными санкциями: если поведение человека признается окружающими достойным, к нему относятся с уважением и почтением, в противном случае — с презрением или негодованием.

Потенциально достоинством обладает всякий разумный человек, умеющий сдерживать свои страсти и активно участвующий в общественной жизни. Однако в действительности некоторые люди лишены его (например, «рабы по природе»). Поэтому достойным, скорее, будет человек свободный, материально обеспеченный, благородного происхождения, имеющий заслуги перед обществом. Однако и такой человек может оказаться недостойным занимаемого места, если он будет дискредитировать себя неподобающим поведением. Достоинство в этом смысле предполагает стремление человека к социальному и моральному идеалу. Достойным человек становится в том случае, когда он, приобретая определенное высокое положение в обществе (или имея его изначально), ведет себя соответствующим образом.

Идея о том, что каждый человек потенциально обладает достоинством, нашла дальнейшее развитие в стоицизме. Социальный статус, учили стоики, не предопределяет достоинства. Человек, практикующий добродетели (воздержание, терпение, смирение) и стремящийся к мудрости, способен вести достойную жизнь, даже будучи несвободным (как, например, Эпикут). В то же время самый высокопоставленный человек может оказаться рабом своих желаний. Внутреннее достоинство выше внешнего: человек часто не властен над обстоятельствами, но он всецело властен на собой.

Цицерон, чьи философские воззрения были близки к стоическим, писал: «...плотское наслаждение недостаточно достойно человека, стоящего выше животных, и наслаждение это надлежит презирать и отвергать... И если мы, кроме того, захотим рассмотреть, в чем заключается превосходство и достоинство человеческой природы, то мы поймем, как позорно погрязнуть в разврате и жить роскошно и изнеженно и как прекрасно в нравственном отношении жить бережливо, воздержно, строго и трезво» [14. С. 85].

Таким образом, хотя первоначально достоинство прочно ассоциировалось с социальным статусом, благодаря усилиям философии представления о том, что его основанием являются способность контролировать свои чувства при помощи разума и стремление к моральному самосовершенствованию, начали получать все большую популярность.

Схожая ситуация определяла культуру Средневековья: в реальной жизни достоинство человека всецело определялось его положением в социальной иерархии. Однако благодаря христианству распространение получила идея о том, что положение в обществе и заслуги являются второстепенными качествами, а высшая ценность человека обусловлена тем, что он является образом и подобием Бога. С точки же зрения этой высшей ценности все люди равны. Григорий Богослов писал: «Так щедро всех людей наделил Бог, конечно, для того, чтобы равным раздаянием даров Своих показать и одинаковое достоинство нашей природы, и богатство благодати Своей» [6. С. 221].

Средневековые теологи определяли личность как существо, наделенное природным и моральным достоинством. Однако характер человеческого достоинства изначально вызывал множество вопросов. Дается ли оно от рождения или возникает после крещения? Не ведет ли грешная жизнь к его утрате? Что является определяющим в человеке: его греховность или достоинство? Библейские тексты не содержат прямых отсылок к достоинству как моральной категории, поэтому богословы предлагают различные ответы на эти вопросы.

Фома Аквинский полагал, что достоинство присуще человеку изначально и основано на его превосходстве над животными, однако человек лишается достоинства, если он ведет себя иррационально и аморально, т.е. опускается до животного состояния (поэтому Фома, например, не выступает против смертной казни) [13. С. 209]. В отличие от него Иннокентий III акцентирует внимание на изначальной ущербности природы человека: «Участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом... Что же иное человек, если не грязь и пепел? ...Что же ты гордишься грязью, из какого праха ты возвыша-

ешься? Почему ты хочешь прославить пепел?» [8. С. 200]. Ничтожеству человеческого состояния можно противопоставить лишь искреннюю веру и покаяние.

В эпоху Возрождения идея человеческого достоинства оказывается в центре внимания философии. Дж. Манетти полемизирует с представлениями о его греховной природе. Достоинства человека — красота, благородство и мудрость его природы — для него представляются достаточным основанием для признания превосходства человека над другими творениями Бога и неизбежности всеобщего спасения. Манетти пишет: «...этой природе, которую Бог создал столь прекрасной, столь благородной и столь мудрой, а также столь богатой, столь достойной и столь могущественной, наконец, столь счастливой и столь блаженной, было всего достаточно для ее полного и во всех отношениях абсолютного совершенства, за исключением разве лишь того, чтобы она путем смешения с самой божественностью не только соединилась в той личности Христа с божественной личностью, но также сделалась единой с божественной природой и посредством этого стала, если угодно, исключительной. Это, как известно, было дано, уступлено и назначено не ангелам, не какому-либо другому созданию, но только человеку, ввиду некоего восхитительного достоинства человеческой природы и также необычайного превосходства самого человека» [10. С. 74].

Наиболее убедительный ответ на вопрос о том, кем является человек — бренным прахом или высшим совершенством — дает Пико делла Мирандола на первых страницах своей «Речи о достоинстве человека». Он пишет, что, завершая сотворение мира, Бог пожелал сотворить того, кто смог бы его оценить. Однако все качества были уже распределены, и человек был сотворен без конкретного образа. Автор передает слова Бога так: «Образ прочих творений определен в пределах установленных Нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого Я тебя представляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочитаешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные» [11. С. 265].

Если человек будет культивировать вегетативные качества — он станет растением, чувственные — животным, интеллектуальные — ангелом. Человек может быть и ничтожным, и совершенным, олицетворять добро или зло — все зависит лишь от его собственного свободного выбора. Он находится вне всяких иерархий и структур, и потому способен занять любую позицию, он — вне мира и значит способен смотреть на мир со стороны. Достоинство человека — это возможность, которую человек свободно реализует, способность самоопределяться, выстраивая собственное «Я».

В работах гуманистов периода Возрождения понятие «достоинство» начинает очищаться от своих сословных смыслов. Однако и в эпоху Просвещения многие философы продолжали рассматривать достоинство как внешнюю, а не внутреннюю ценность. Т. Гоббс определял достоинство как общественную ценность человека: «та цена, которая дается ему государством, есть то, что люди обычно назы-

вают достоинством. И эта цена выражается в пожаловании военных, судебных, государственных должностей или имен и титулов, введенных как отличительная особенность такой цены» [5. С. 67]. Здесь источником достоинства представлена не свобода, а власть.

Все большее признание, однако, приобретала противоположная точка зрения. Ж.-Ж. Руссо писал: «Отказаться от своей свободы — это значит отречься от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже от ее обязанностей... Подобный отказ несовместим с природою человека; лишить человека свободы воли — это значит лишить его действия какой бы то ни было нравственности» [12. С. 156].

Наибольшее влияние на современные представления о достоинстве имеют работы И. Канта, который, явно полемизируя с Гоббсом, утверждал: «Уважение, которое я питаю к другим или которое другие могут потребовать от меня (*observantia alliis praestanda*), есть, следовательно, признание достоинства (*dignitas*) в другом человеке, т. е. достоинства, не имеющего ни цены, ни эквивалента, по которому можно выменять объект почитания (*aestimii*)» [9. С. 403].

Согласно Канту, достоинство требует, чтобы никто не служил только средством для других, но был для них также и целью. Оно коренится в автономии личности и представляет собой имманентно присущую любому разумному существу внутреннюю ценность, абсолютную, безусловную и количественно невыразимую. Все люди от рождения обладают равным достоинством вне зависимости от статуса и прочих внешних обстоятельств жизни. Нельзя заработать, обменять, сравнить или лишиться достоинства. Человек должен поступать так, чтобы его жизнь соответствовала этой высшей ценности, но даже если он будет преступником и полностью аморальным человеком, он не лишается ее.

Кант, таким образом, доводит до логического завершения идеи стоицизма, христианской теологии и ренессансного гуманизма, превращая достоинство в фундамент моральных взаимоотношений человечества.

Тоталитарные режимы XX столетия и события Второй мировой войны наглядно продемонстрировали, что приверженность к разуму, пользе и прогрессу сами по себе не являются гарантией достижения социальной справедливости. Напротив, под этими лозунгами можно совершать действия, ведущие к унижению, угнетению и порабощению людей. Более того, стремление рационализировать процесс преодоления препятствий на пути к идеальному обществу привело к беспрецедентному увеличению количества преступлений против жизни и достоинства людей, к «утилизации» целых народов и других крупных социальных групп. Из всего многообразия ценностей, предложенных Просвещением, достоинство в его кантовском понимании оказалось наиболее прочным основанием для системы норм, защищающих человека от его использования в качестве средства для достижения общественной пользы.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. начинается со слов о том, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [4]. В Декларации утверждается, что все люди равны в своем достоинстве, никто не должен подвергаться обращению, унижающему его достоинство, и каж-

дый человек имеет право на справедливое вознаграждение за труд и социальное обеспечение, гарантирующие ему достойное существование. В ряде последующих международных нормативных документов подтверждается, что именно достоинство является основанием системы прав человека. Развитием этих идей в системе международного права стала Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г., третья статья которой, посвященная достоинству и правам человека, провозглашает: «Интересы и благосостояние отдельного человека должны главенствовать над интересами собственно науки или общества» [3].

Тезис о превалировании интересов отдельного человека над интересами общества является одним из обоснований позиции *pro choice*, предполагающей, что сам человек должен решать вопросы жизни, смерти и допустимости или недопустимости медицинского вмешательства. Следствием этого тезиса является признание допустимости эвтаназии, аборт и прочих действий, совершаемых по воле человека («смерть с достоинством» — один из речевых штампов, наиболее часто используемых для обозначения эвтаназии).

Понимание достоинства как основания для недопустимости инструментализации индивида, однако, привело к его отождествлению с автономией. Р. Маклин резонно утверждает, что «человеческое достоинство не значит ничего большего, чем уважение к человеку и его автономии... Достоинство — бесполезное для медицинской этики понятие, которое может быть устранено из нее без потери ее содержания» [16. С. 1420].

Тем не менее, как показывает история развития воззрений на достоинство, сведение этого концепта исключительно к автономии является явным упрощением. То, что такое упрощение действительно получило широкое распространение в биоэтике, еще не говорит об ущербности концепта. Достоинство ассоциируется не только с ценностью каждого отдельного человека, но и с отношением к этой ценности со стороны окружающих, то есть помимо индивидуального измерения имеет и публичное. Поэтому достоинство может не только не сводиться к автономии, но и противостоять ей. Так, в ряде случаев люди могут быть согласны с унижением своего достоинства, поскольку не считают эти действия унижительным и рассчитывают получить нечто ценное взамен. Классический пример подобной ситуации — швыряние карликов на дальность, которое было запрещено французским судом в 1995 г. как нарушающее достоинство человека (хотя сами карлики, участвовавшие в этой забаве, консолидировано выступили против запрета). Другая группа проблем связана с угрозами для сохранения человека как вида в трансгуманистическом будущем, контуры которого становятся все более четкими. В ряде подобных случаев требования автономии, справедливости, благодетельности, непричинения вреда, информированного согласия и т.д. прямо не нарушаются и только апелляция к человеческому достоинству позволяет обосновать аморальность действий, о неприемлемости которых свидетельствует моральная интуиция. С этой точки зрения достоинство — важная личная и социальная ценность, потенциал которой для решения многих сложных этических дилемм современности, несмотря на частное употребление этого слова в публичном дискурсе, еще до конца не осознан.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аристотель*. Большая этика // Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 295—374.
- [2] *Аристотель*. Никомахова этика // Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 53—294.
- [3] Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека [Дата обращения: 01.04.2017]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml.
- [4] Всеобщая декларация прав человека [Дата обращения: 01.04.2017]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.
- [5] *Гоббс Т.* Левиафан // Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 3—546.
- [6] *Григорий Богослов*. О любви к бедным // Творения: в 2 т. СПб.: Изд-е П. Сойкина, 1912. Т. 1. С. 204—230.
- [7] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Изд-е Вольфа, 1880. Т. 1.
- [8] *Иннокентий III*. О презрении к миру, или о ничтожестве человеческого состояния // История европейской культуры. Киев: МАУП, 2004.
- [9] *Кант И.* Метафизика нравов // Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107—438.
- [10] *Манетти Дж.* О достоинстве и превосходстве человека // Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV—XVII вв.). М.: Изд-во УРАО, 1999. С. 65—74.
- [11] *Пико дела Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. В 2 т. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 248—265.
- [12] *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре // Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 151—302.
- [13] *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Киев: Ника-центр, 2013. Т. 2. Ч. 2.
- [14] *Цицерон*. Об обязанностях // О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. С. 58—158.
- [15] *Anttila R.* Greek and Indo-European Etymology in Action. Proto Indo-European ag-. Amsterdam: JB Publishing Co, 2000.
- [16] *Macklin R.* Dignity is a useless concept // British Medical Journal. 2003. № 327. P. 1419—1420.
- [17] *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verlag, 1959. B. 1.

Сведения об авторе:

Сычев Андрей Анатольевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. e-mail: sychevaa@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-305-313

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF DIGNITY IN THE HISTORY OF ETHICS

A.A. Sychev

National Research Mordovia State University
Bolshevistskaya ul., 68, 430005, Saransk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the evolution of the concept of dignity in ethical and philosophical thought. On the basis of the etymology of the word, the author reveals the basic definition of dignity as a measure of the correspondence of a person's behavior to his or her position in society and the approving reaction of the others to such behavior. This definition is corrected in the analysis of the views of Aristotle, the Stoics, Cicero, Thomas Aquinas, J. Manetti, J. Pico della Mirandola, T. Hobbes, J.-J. Rousseau, I. Kant,

and others. It is shown that in the course of historical development (under the influence of philosophy and religion) the hierarchical understanding of dignity was gradually replaced by the universalist one. Analyzing the notions of dignity as a theoretical foundation of the human rights system and disputes about dignity in contemporary bioethics, the author concludes that dignity is an important personal and social value, which potential in solving complex ethical dilemmas of present time, despite the frequent use of this word in public discourse, is not yet fully realized.

Key words: dignity, self-esteem, intrinsic value, history of ethics, human rights, bioethics

REFERENCES

- [1] Aristotel'. Bol'shaya etika. *Soch.* in 4 vol. Moscow: Mysl', 1984. Vol. 4. p. 295—374. (In Russ).
- [2] Aristotel'. Nikomakhova etika. *Soch.* in 4 vol. Moscow: Mysl', 1984. Vol. 4. p. 53—294. (In Russ).
- [3] Vseobshchaya deklaratsiya o bioetike i pravakh cheloveka. [Cited: 2017, Apr. 01]. Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml. (In Russ).
- [4] Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka. [Cited: 2017, Apr. 01]. Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. (In Russ).
- [5] Gobbs T. Leviafan. *Soch.* in 2 vol. Moscow: Mysl', 1991. Vol. 2. p. 3—546. (In Russ).
- [6] Grigorii Bogoslov. O lyubvi k bednym. *Tvoreniya:* in 2 vol. Saint Petersburg: Izd-e P. Soikina, 1912. Vol. 1. P. 204—230. (In Russ).
- [7] Dal' VI. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka:* in 4 vol. Saint Petersburg: Izd-e Vol'fa, 1880. Vol. 1. 810 p. (In Russ).
- [8] Innokentii III. O prezrenii k miru, ili o nichtozhestve chelovecheskogo sostoyaniya. *Istoriya evropeiskoi kul'tury.* Kiev: MAUP, 2004. p. 200. (In Russ).
- [9] Kant I. Metafizika nravov. *Soch.* in 6 vol. Moscow: Mysl', 1965. Vol. 4. Part 2. p. 107—438. (In Russ).
- [10] Manetti Dzh. O dostoinstve i prevoskhodstve cheloveka. *Obraz cheloveka v zerkale gumanizma: mysliteli i pedagogi epokhi Vozrozhdeniya o formirovanii lichnosti (XIV—XVII vv.)* Moscow: Izd-vo URAO, 1999. p. 65—74. (In Russ).
- [11] Piko della Mirandola Dzh. Rech' o dostoinstve cheloveka. *Estetika Renessansa.* in 2 vol. Moscow: Iskusstvo, 1981. Vol. 1. p. 248—265. (In Russ).
- [12] Russo ZhZh. Ob obshchestvennom dogovore. *Traktaty.* Moscow: Nauka, 1969. p. 151—302. (In Russ).
- [13] Foma Akvinskii. *Summa teologii.* Kiev: Nika-tsentr, 2013. Vol. 2. Part 2. 830 p. (In Russ).
- [14] Tsitseron. Ob obyazannostyakh. *O starosti. O družbe. Ob obyazannostyakh.* Moscow: Nauka, 1993. p. 58—158. (In Russ).
- [15] Anttila R. *Greek and Indo-European Etymology in Action. Proto Indo-European ag-.* Amsterdam: JB Publishing Co, 2000.
- [16] Macklin R. Dignity is a useless concept. *British Medical Journal.* 2003; 327:1419—1420.
- [17] Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch.* Bern: Francke Verlag, 1959. B. 1, 360 S. (In Germ.)